

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

ДИСКУРСИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО МЕДИАДИСКУРСА В РУССКОЯЗЫЧНОМ, АНГЛОЯЗЫЧНОМ И КИТАЕЯЗЫЧНОМ МЕДИАПРОСТРАНСТВАХ

Чжан И, М.Д. Лагуткина

Аннотация. Изучение дипломатического медиадискурса позволяет выявить механизмы воздействия на адресатов с целью создания определенной картины мира в общественном сознании. Выявление стратегий построения дипломатического медиадискурса дает возможность противодействовать манипулятивным стратегиям, которые направлены на формирование системы идеологии (по ван Дейку) и тем самым контролируют социальный контекст. В дипломатическом медиадискурсе реализуются прагматические цели государственной политики стран, для трансляции которых используются практически одинаковые стратегии рекуррентности (в соответствии с принципом *conventions of usage*), основная цель — формирование общемирового общественного мнения. Китаеязычный и русскоязычный дипломатические медиадискурсы ориентированы на создание положительной повестки и положительного имиджа стран. Стратегию интерпретации информации в соответствии с манипулятивными технологиями и стратегию деперсонализации (намеренного дистанцирования от проблем) реализует англоязычный дипломатический медиадискурс.

Ключевые слова: дискурс, дипломатический медиадискурс, медиaproстранство, дискурсивные стратегии

Для цитирования: Чжан И, Лагуткина М.Д. Дискурсивные стратегии дипломатического медиадискурса в русскоязычном, англоязычном и Китаеязычном медиaproстранствах// Преподаватель XXI век. 2026. № 3. Часть 2. С. 332–341. DOI: 10.31862/2073-9613-2026-3-332-341

© Чжан И, Лагуткина М.Д., 2026

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

DISCURSIVE STRATEGIES OF DIPLOMATIC MEDIA DISCOURSE IN RUSSIAN, ENGLISH, AND CHINESE MEDIA SPACES

Zhang Yi, M.D. Lagutkina

Abstract. *Studying diplomatic media discourse allows us to identify the mechanisms by which we influence recipients to create a specific worldview in the public consciousness. Identifying strategies for constructing diplomatic media discourse makes it possible to counteract manipulative strategies aimed at shaping a system of ideologies (according to van Dijk) and thereby controlling the social context. Diplomatic media discourse implements the pragmatic goals of national public policy, conveying them using virtually identical recurrence strategies (in accordance with the principle of conventions of usage). The primary goal is to shape global public opinion. Chinese-language and Russian-language diplomatic media discourses are focused on creating a positive agenda and a positive image of their countries. English-language diplomatic media discourse implements a strategy of interpreting information in accordance with manipulative technologies and a strategy of depersonalization (deliberate distancing from problems).*

Keywords: *discourse, diplomatic media discourse, media space, discursive strategies*

Cite as: Zhang Yi, Lagutkina M.D. Discursive Strategies of Diplomatic Media Discourse in Russian, English, and Chinese Media Spaces. *Prepodavatel XXI vek*. Russian Journal of Education. 2026, No. 3, par 2, pp. 332–341. DOI: 10.31862/2073-9613-2026-3-332-341

В рамках современной антропоцентрической парадигмы современной лингвистики дискурсивные исследования занимают особое место, так как анализ языковой системы предполагает изучение конкретных актов коммуникации в определенных условиях с учетом экстралингвистических факторов.

Цель исследования — провести анализ дипломатического медиадискурса в англоязычном (британском), китайском и русском медиапространствах и выявить основные стратегии, соотносимые с интенциями авторов контента, определяемые их прагматическими установками.

Актуальность данного исследования заключается в том, что изучение дипломатического медиадискурса в медиапространстве позволяет выявить механизмы воздействия на аудиторию с целью создания определенной картины мира в общественном сознании. Выявление стратегий построения дипломатического медиадискурса дает возможность противодействовать манипулятивным стратегиям.

Объектом настоящего исследования являются тексты дипломатического медиадискурса на английском, китайском и русском языках, предметом — дискурсивные стратегии.

Дискурсивные исследования в настоящее время касаются не только теории дискурса (о чем писали Т. ван Дейк, 2013, 2015; М. Фуко, 1970; Рут Водак, 1996, 2011, 2015; Н. Фэркло, 2001, 2006, 2014; Н.Д. Арутюнова, 1990, 2012; А.А. Кибрик, 2003, 2009; М.Л. Макаров, 1998, 2003; В.В. Красных, 2001; Ю.Е. Прохоров, 2006, 2016; С.М. Колесникова, 2023 и др.), но и типов и видов дискурсов.

Следует подчеркнуть, что актуальность рассмотрения различных типов и видов институциональных дискурсов определяется необходимостью анализа эффективной коммуникации в различных социальных сферах.

В каждом виде институционального дискурса складываются свои стратегии коммуникативного поведения, связанные с выбором языковых средств и риторических приемов.

Уточним, что под институциональным дискурсом понимается коммуникация (общение) в рамках социально-ролевых отношений (согласно концепции В.И. Карасика).

В.И. Карасик отмечает: «Институциональный дискурс выделяется на основании двух системообразующих признаков: цели и участники общения. Цель политического дискурса — завоевание и удержание власти, педагогического — социализация нового члена общества, медицинского — оказание квалифицированной помощи больному и т. д. Основными участниками институционального дискурса являются представители института (агенты) и люди, обращающиеся к ним (клиенты)» [4, с. 11].

Дипломатический дискурс выделяется в ряду иных институциональных дискурсов, так как имеет конкретную цель — трансляцию официальной позиции какого-либо государства по вопросам международной и внутренней политики. Круг участников общения максимально широк: государственные политические деятели различных стран и граждане этих стран и любых других стран, интересующиеся политическими вопросами, но в тех случаях, когда речь идет о публичном дипломатическом дискурсе, и, наоборот, узок, если речь идет о «закрытой» для широкой общественности коммуникации дипломатов в международных переговорах.

А.С. Кожетева справедливо полагает: «Дипломатический дискурс представляет собой особый *статусно-ориентированный институциональный дискурс*, специфика которого состоит в области его использования — сфера дипломатического общения и международных отношений. Адресант и адресат дипломатического дискурса как субъекты коммуникации обладают институционально-дискурсивными характеристиками, влияющими на продуцирование дискурса» [5, с. 7].

В современном медиапространстве дипломатический дискурс функционирует исключительно в форме публичного. Заметим, что закрытый дипломатический дискурс практически не попадает в медиа, если только частично в форме официальных заявлений для прессы по итогам переговоров.

Так, например, в 2025–2026 гг. проходили и продолжают в настоящее время переговоры между США и РФ, переговоры проходят в закрытом режиме. Информацию об их содержании пресса узнаёт исключительно из официальных сообщений для СМИ через пресс-секретарей либо из официальных заявлений глав государств или делегаций.

Публичный дискурс в медиапространстве таким образом трансформируется в дипломатический медиадискурс, который имеет свои закономерности.

Уточним, что дипломатический медиадискурс представляет собой сложное коммуникативное явление (систему речевых действий), прагматической целью текстов которого является трансляция позиции государства в отношении внешнеполитических проблем, отношений с другими государствами, объяснение гражданам своей страны и всему миру сценария и модели действий в определенных условиях и проч.

Дипломатический медиадискурс исследуется с позиций исторического, социокультурного, психолингвистического, философского, лингвистического, когнитивного подходов.

Важнейшими исследованиями в области дипломатического медиадискурса являются сравнительно-сопоставительные дискурсивные исследования текстов, репрезентирующих внешнеполитическую концепцию государств.

Китайские, российские, американские и британские СМИ и медиа транслируют позицию своих государств сдержанно, в рамках традиционных представлений о дипломатическом протоколе и дипломатическом этикете.

Следует подчеркнуть, что китайские и российские дипломаты следуют нормам сдержанности в дипломатическом протоколе (что находит отражение в китайском и российском медиапространствах), в то время как в англоязычном медиапространстве в рамках дипломатического медиадискурса постоянно используются стилистически сниженные языковые средства, грубые и даже вульгарные лексические единицы и фразеологические обороты.

В некоторых случаях в медиапространстве даются прямые цитаты из речей глав государств и представителей правительств, в которых звучит откровенная брань в адрес оппонентов из других стран, в некоторых случаях — смысловом содержании — подтасовка фактов, имплицитно выраженные оскорбительные намеки на личные недостатки лидеров государств. Так, например, в 2018 г., когда отношения между КНР и США стали особенно напряженными, в англоязычной прессе была развязана информационная война против лидера страны Си Цзиньпина. После состоявшейся встречи между Дональдом Трампом и Си Цзиньпином (официальные комментарии в английских медиа от имени руководства США обходились без бранной лексики), одновременно в англоязычном медиапространстве на страницах центральных газет и информационных агентств были размещены материалы о лидере КНР с обвинениями его в тоталитарном стиле руководства и проч. То есть официальный публичный дипломатический дискурс в медиапространстве трансформировался в дипломатический медиадискурс.

В дипломатическом медиадискурсе основной прагматической целью является когнитивное воздействие на адресатов, в данном случае с целью создания негативного образа лидера КНР и всей страны в целом. Англоязычные медиа создавали иллюзию объективности, основываясь на статье Geremie R. Barmé и Lee Yee «Deathwatch for a Chairman» («Дозор смерти для председателя») [6]. В статье приводится текст на китайском языке с переводом на английский.

Современный дипломатический медиадискурс строится в соответствии с частотными стратегиями коммуникации.

Под дискурсивной стратегией следует понимать «устоявшуюся и оптимальную программу осуществления речевых действий, подчиненную дискурсивным факторам (в первую очередь, мотивам и интенциям коллективной дискурсивной личности)» [7, с. 50].

О дискурсивных стратегиях, понимаемых как программа речевых действий в институциональном дискурсе, писали О.С. Иссерс [8], Л.Н. Синельникова [9].

Современный дипломатический дискурс трансформируется в дипломатический медиадискурс с использованием стратегии рекуррентности. Сущность стратегии рекуррентности в любом виде медиадискурса состоит в постоянном стереотипном повторении рекуррентных единиц (обычно лексических или фразеологических, иногда повторяется визуальный ряд, многократно повторяются фотографии и проч.) в рамках определенного социокультурного контекста.

В англоязычном медиапространстве имя лидера КНР Си Цзиньпина чаще всего соседствует с фразами «новый культ личности» (a new personality cult), «агрессивная внешняя политика» (aggressive stance on the international scene): «这些迹象未必就意味着中共最高权力会出现戏剧性变动, 很大可能是习近平在去年十九大取消了任期制、恢复终身制之后, 开始搞个人崇拜, 对外显示霸气, 引致内外反弹, 在大陆经济形势恶化和贸易战导致国际形势严峻的情势下, 习政权暂时采取退一步的降温措施», — утверждает Lee Yee. («Но вполне возможно, что после Девятнадцатого съезда партии, когда были отменены ограничения по срокам полномочий в пользу пожизненного пребывания [Си Цзиньпина] в партии, как внутри, так и за ее пределами, произошел откат назад, и после этого возникли признаки нового культа личности в тандеме с политикой Китая, реализуется более откровенная агрессивная позиция на международной арене») [6].

Утверждение Lee Yee в данном случае становится отправной точкой для рефлексии в медиапространстве по поводу КНР и ее лидера. С одной стороны, создается иллюзия объективного освещения событий, с другой — наблюдается своеобразная рефлексия по поводу социальной значимости событий для людей всего мира. Этот пример является частью рекуррентной стратегии дипломатического медиадискурса в англоязычном медиапространстве.

Следует также отметить, что рекуррентная стратегия реализуется и с помощью «конвенций употребления» (conventions of usage), т. е. возникает речевой стереотип в сочетаемости лексических и фразеологических единиц. В контексте с употреблением имени Си Цзиньпина в англоязычном медиапространстве обязательно присутствуют лексемы, прямо или косвенно указывающие на его тоталитарный стиль управления государством, агрессивность КНР и проч.

Стратегия рекуррентности при создании отрицательного собирательного образа КНР продолжает использоваться и в настоящее время. В 2025 г. в англоязычном медиапространстве появилось большое количество материала в рамках дипломатического медиадискурса, в котором продолжилось создание негативного имиджа КРН и ее лидера.

Так, например, на англоязычном интернет-портале The Diplomat публикуется масса материалов о КНР и ее внешней политике. Отметим, что портал является частью медиахолдинга, специализирующегося на странах Юго-Восточной Азии, штаб-квартира холдинга находится в Чикаго.

Тематически подобные статьи соответствуют дипломатическому медиадискурсу. Назовем некоторые из статей, последовательно реализующих рекуррентную стратегию воздействия на социум определенного региона: «China's System of Mass Arbitrary Detention», «Xi Jinping and Collective Punishment of Human Rights Defenders' Families», «8 Years After '709'. Persecution of Chinese Human Rights Lawyers Continues», «How China Tries to Bamboozle the United Nations», «China's Intervention and the Limits of Fatalism in Myanmar» («Китайская система массовых задержаний», «Си Цзиньпин и коллективные наказания семей правозащитников», «Спустя 8 лет после "709-го". Преследования китайских юристов-правозащитников продолжаются», «Как Китай пытается обмануть Организацию Объединенных Наций», «Вмешательство Китая и пределы фатализма в Мьянме») [10].

Из названий статей видно, что стратегия рекуррентности по созданию отрицательного имиджа китайского государства и ее лидера последовательно используется на протяжении нескольких десятилетий в британском медиапространстве [10].

Российские и китайские медиа лишь частично воспроизводят стратегию рекуррентности (посредством *conventions of usage*) в дипломатическом медиадискурсе. Нужно указать, что в китайском и русском дипломатическом медиадискурсе конвенции употребления чаще связываются не с негативными, а с позитивными сценариями. Практически не наблюдается бранной лексики, а также лексем с негативной коннотацией.

Рассматривая дипломатический медиадискурс в российских и китайских медиа, следует обратить внимание на то, что их повестка всегда соответствует актуальным проблемам. Нет замалчивания в освещении внешнеполитических проблем государств, нет искажений фактического характера, хотя следует отметить, что прагматическая цель дипломатического медиадискурса остается такой же — воздействие на потенциальную аудиторию с целью формирования общественного мнения по поводу внешней и внутренней политики государства.

Китайский дипломатический медиадискурс является медийным проводником стратегического лозунга, стратегического ориентира китайского народа — «*Китайская мечта*». В 2012 г. Си Цзиньпин на съезде коммунистической партии КНР провозгласил, что китайский народ стремится к воплощению «Китайской мечты» (中国梦) — возрождению силы и мощи Китая, единству и процветанию нации: «Осуществление великого возрождения китайской нации — это величайшая мечта китайской нации, начиная с нового времени». После этого в Китае был учрежден праздник — День Китайской мечты (29 ноября). В основе «Китайской мечты» — идея о процветании нации, для воплощения которой необходимо построить сильное социалистическое государство с китайской спецификой.

Провозглашение «Китайской мечты» стало новым этапом и целью развития КНР. Китайский дипломатический медиадискурс транслирует постулаты «Китайской мечты», репрезентирует ее основные постулаты, формируя тем самым общественное мнение в КНР. Отметим, что Китайская мечта в дипломатическом медиадискурсе формирует позитивную повестку, противостоит стратегии рекуррентности (и *conventions of usage*) в британском медиапространстве.

На страницах официальных СМИ и медиа, в частности «Синьхуа», постоянно транслируется тезис о поступательном развитии КНР в стремлении к достижению «Китайской мечты». Так, в КНР реализуется 15-й план экономического развития, в рамках которого уделяется внимание экологии, здравоохранению, образованию, экономике и проч.

15 января 2026 г. в «Синьхуа» опубликована статья 释放消费潜力活力 以高水平开放赢得战略主动 — 访商务部党组书记、部长王文涛 («Раскрытие жизнеспособного потребительского потенциала и реализация стратегических инициатив с высоким уровнем открытости — интервью с Ван Вэньтао, секретарем парткома и Главой Министерства коммерции»). В частности, он сказал: «“*十五五*” 规划建议就 “建设强大国内市场” “扩大高水平对外开放” 作出部署, 提出 “大力提振消费” “积极扩大自主开放” “推动贸易创新发展” 等具体举措。近期召开的中央经济工作会议也围绕建设强大国内市场、坚持扩大开放作出部署»。[11] («15-й пятилетний план» рекомендует «создание сильного внутреннего рынка» и «расширение открытости на высоком уровне для внешнего мира», а также предлагает конкретные меры, такие как «энергичное стимулирование потребления», «активное расширение независимой открытости» и «содействие торговым инновациям и развитию». Недавно проведенная Центральная конференция по экономической работе также была сосредоточена на создании сильного внутреннего рынка и настойчивом расширении его открытости).

Интервью Ван Вэньтао является частью китайского дипломатического медиадискурса, поскольку он является государственным чиновником высокого ранга, в речи которого репрезентирована позиция государства по экономическим вопросам; интервью опубликовано с целью максимально полного охвата как китайской, так и зарубежной аудитории.

Поскольку интервью Ван Вэньтао опубликовано в «Синьхуа» на разных языках (как и все материалы этого агентства), то можно утверждать, что китайский дипломатический медиадискурс распространяет свое влияние на граждан других стран и реализует стратегию формирования положительного общественного мнения по поводу Китая в других странах.

Российский дипломатический медиадискурс, реализуя стратегию рекуррентности и формирования положительного образа государства, сосредоточен на репрезентации фундаментального понятия *русский мир*. Заметим, что актуальная повестка публичного дипломатического дискурса не вступает в противоречие с долгосрочной прагматической целью — утвердить ценности русского мира в русскоязычном медиапространстве.

Посредством трансляции ценностей русского мира, которые в целом совпадают с общечеловеческими (духовность, милосердие, сострадание, вера, стремление к справедливости), реализуется и особая стратегия — поэтапное развитие позитивной повестки, формирование положительного имиджа РФ.

Так, о ценностях Русского мира на различных площадках говорит Президент РФ Владимир Путин: *«Сила и притягательность идеи Русского мира всегда заключались в его открытости и уважении ко всем самобытным обычаям и культурам. И сегодня мы видим, что такие подходы разделяют большинство стран и народов, отвергая любые формы неокolonизма, расизма и русофобии и, напротив, демонстрируя настроенность на развитие гуманитарного сотрудничества и равноправного диалога, построенного на учете взаимных интересов друг друга»* [12].

В.В. Путин и первые лица государства в своих выступлениях, адресатами которых являются не только граждане страны, но и все мировое сообщество, постоянно делают акцент на духовно-нравственных основах Русского мира, которые базируются на высоких моральных принципах. Особый акцент в русскоязычном медиапространстве делается на сохранении исторической памяти народа, основ отечественной культуры.

О консолидации Русского мира неоднократно говорит министр иностранных дел РФ Сергей Лавров: *«На постоянном контроле и обеспечение прав российских граждан за рубежом, противодействие любым формам их дискриминации. Мы продолжаем работать над консолидацией многонационального, многоконфессионального Русского мира, защищая позиции русского языка, культурно-исторического наследия нашей страны»* [13].

Отметим, что в современном медиапространстве в рамках дипломатического медиадискурса (британского, китайского, русского) реализуется еще одна стратегия — стратегия формирования общественного мнения путем использования технологий воздействия на адресатов, однако принципы воздействия различны.

В англоязычном медиапространстве активно используются манипулятивные технологии. Дипломатический медиадискурс в идеале стремится к максимальной эффективности, однако при этом он определяется прагматическими целями адресантов. Во всех случаях тексты, репрезентирующие дипломатический медиадискурс, имеют целью формирование общественного сознания. Об этом писали многие исследователи

дискурса. Так, Т. ван Дейк уверен, что дискурсы транслируют идеологию правящих элит (символопорождающих элит, которые управляют идеологией государства), что помогает косвенно контролировать сознание людей.

Манипулятивные стратегии в англоязычном медиадискурсе состоят, прежде всего, в использовании приема — иллюзия поддержки большинства. Стратегия строится на том, что, при объективной в целом информации о происходящих событиях международного формата, акцент делается на то, что большинство граждан страны поддерживают определенную политическую позицию. Так, например, при изложении позиции США по поводу беспорядков в Иране в январе 2026 г. агентства Associated Press, United Press International писали об огромных цифрах вышедших на протесты людей, о гибели более 30 тысяч протестующих, приводя в качестве аргументов съемки сомнительного качества, сделанные без привязки к конкретному месту событий. При этом в медиапространстве тексты, репрезентирующие дипломатический медиадискурс в виде официальных заявлений высокопоставленных чиновников из США, пресс-секретаря Белого дома, самого президента Дональда Трампа, соседствовали с текстами информационного характера, которые интерпретировали факты весьма вольно (постоянно утверждалось, что протесты массовые, а люди хотят свергнуть правительство) происходящие беспорядки. Все англоязычные агентства перепечатали статьи о жертвах правительственного произвола, о рейде полиции в больницы и проч.

Большая часть текстов дипломатического медиадискурса в англоязычном медиапространстве основывается на высказываниях президента США Дональда Трампа, который придерживается манипулятивной стратегии «повышение/понижение» уровня напряженности в высказываниях. Поэтому в дипломатическом медиадискурсе США наблюдается использование той же манипулятивной стратегии.

В дипломатическом медиадискурсе в англоязычном, русскоязычном, китайском медиапространствах реализуется стратегия дистанцирования, заключающаяся в том, что авторы текстов принимают позицию «стороннего наблюдателя» с целью создания эффекта достоверности и объективности информации. В некоторых случаях (особенно при передаче высказываний глав государств и правительств) это соответствует критериям объективности, но в англоязычном медиапространстве чаще это является элементом манипуляции, когда адресант представляет информацию, касающуюся внешней политики государства, опираясь на сомнительные высказывания «компетентных источников» без персонализации. На страницах Associated Press, United Press International частотны следующие обороты: «компетентный источник в Белом доме сообщает...», «неназванный источник в Администрации президента сообщает...» и проч.

Подводя итоги анализа функционирования англоязычного, китайского и русскоязычного дипломатического медиадискурсов, можно утверждать, что в них реализуются прагматические цели государственной политики их стран, для трансляции которой они используют практически одинаковые стратегии рекуррентности (в соответствии с принципом *conventions of usage*), формирования общемирового общественного мнения. Китайский и русскоязычный дипломатические медиадискурсы ориентированы на создание положительной повестки и положительного имиджа стран.

Стратегию интерпретации информации в соответствии с манипулятивными технологиями и стратегией деперсонализации (намеренного дистанцирования от проблем) реализует англоязычный дипломатический медиадискурс.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ван Дейк Тен А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / пер. с англ. М.: ЛИБРОКОМ, 2013. 344 с.
2. Прохоров Ю.Е. Действительность. Текст. Дискурс. М.: Флинта. 2016. 225 с.
3. Колесникова С.М. От смысла к тексту: лингвокогнитивная исследование: монография. М.: МПГУ, 2023. 240 с.
4. Карасик В.И. Этнокультурные типы институционального дискурса // Этнокультурная специфика речевой деятельности. М., 2000. С. 19–31.
5. Кожетева А.С. Лингвопрагматические характеристики дипломатического дискурса (на материале вербальных нот): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2012. 23 с.
6. Geremie R. Barmé & Lee Yee. Deathwatch for a Chairman, *China Heritage*, 17 July 2018 (The Best China XIII and Watching China Watching XXXI), URL: <https://chinaheritage.net/journal/deathwatch-for-a-chairman/> (дата обращения: 25.01.2026).
7. Микулинский А.Д. Модель анализа дискурсивных стратегий в устном комментировании // Рема. Rhema. 2025 № 3. С. 45–61. DOI: 10.31862/2500-2953-2025-3-45-61
8. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 5-е изд. М.: URSS, 2008. 288 с.
9. Синельникова Л.Н. Концепт «дискурсивная личность»: междисциплинарная параметризация // Грани познания. 2013. № 1(21). С. 42–44.
10. The Diplomat, URL: <https://thediplomat.com/2023/02/how-china-tries-to-bamboozle-the-united-nations/> (дата обращения: 27.01.2026).
11. Раскрытие жизнеспособного потребительского потенциала и реализация стратегических инициатив с высоким уровнем открытости / [Интервью с Ван Вэньтао, секретарем руководящей группы партии и министром торговли] // ИА Синьхуа. Новости. URL: <https://www.news.cn/politics/20260115/2ff52f414eee470c81a35bc63b27cab7/c.html> (дата обращения 20.01.2026).
12. Владимир Путин: сила и притягательность идеи Русского мира в его открытости. URL: <https://объясняем.рф/articles/news/vladimir-putin-sila-i-prityagatelnost-idei-russkogo-mira-v-ego-otkrytosti/> (дата обращения: 22.01.2026).
13. Лавров: Москва работает над консолидацией многонационального Русского мира. URL: <https://tass.ru/politika/25867393/> (дата обращения: 23.01.2026).

REFERENCES

1. Van Dijk Teun A. *Diskurs i vlast: Reprezentacija dominirovanija v jazyke i komunikacii*. [Discourse and Power: Representation of Dominance in Language and Communication], Per. s angl., Moscow, LIBROKOM Publ., 2013, 344 p. (in Russ.)
2. Prokhorov Yu.E. *Dejstviteľnost. Tekst. Diskurs* [Reality. Text. Discourse], Moscow, Flinta Publ., 2016, 225 p. (in Russ.)
3. Kolesnikova S.M. *Ot smysla k tekstu: lingvokognitivnoe issledovanie, monografija* [From Meaning to Text: A Linguocognitive Study, A Monograph], Moscow, MPGU Publ., 2023, 240 p. (in Russ.)
4. Karasik V.I. *Etnokulturnye tipy institucionalnogo diskursa* [Ethnocultural Types of Institutional Discourse], in *Etnokulturnaja specifiķa rechevoj dejatelnosti* [Ethnocultural specificity of speech activity], Moscow, 2000, pp. 19–31. (in Russ.)

5. Kozheteva A.S. *Lingvopragmaticheskie harakteristiki diplomaticheskogo diskursa (na materiale verbalnyh not), avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Lingvopragmatic characteristics of diplomatic discourse (based on verbal notes)], Extended Abstract of PhD Dissertation (Philology), Moscow, 2012, 23 p. (in Russ.)
6. Geremie R. Barmé & Lee Yee. Deathwatch for a Chairman, *China Heritage*, 17 July 2018 (The Best China XIII and Watching China Watching XXXI), URL: <https://chinaheritage.net/journal/deathwatch-for-a-chairman/> (accessed: 25.01.2026).
7. Mikulinskij A.D. *Model analiza diskursivnyh strategij v ustnom kommentirovanii* [Model of Analysis of Discursive Strategies in Oral Commentary], Rema, Rhema, 2025, no. 3, pp. 45–61, DOI: 10.31862/2500-2953-2025-3-45-61. (in Russ.)
8. Issers O.S. *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoj rechi* [Communicative Strategies and Tactics of Russian Speech], 5-ye izd., Moscow, URSS Publ., 2008, 288 p. (in Russ.)
9. Sinelnikova L.N. *Koncept “diskursivnaja lichnost’”: mezhdisciplinarnaja parametrizacija* [The Concept of “Discursive Personality”: Interdisciplinary Parameterization], *Grani poznaniya* = Borders of knowledge, 2013, no. 1(21), pp. 42–44. (in Russ.)
10. *The Diplomat*, URL: <https://thediplomat.com/2023/02/how-china-tries-to-bamboozle-the-united-nations/> (accessed: 27.01.2026).
11. *Raskrytiye zhiznesposobnogo potrebitelskogo potentsiala i realizatsiya strategicheskikh initsiativ s vysokim уровнем открытости, Intervyu s Van Ven'tao, sekretarem rukovodyashchey gruppy partii i ministrom torgovli* [Unlocking Viable Consumer Potential and Implementing Strategic Initiatives with a High Level of Openness, Interview with Wang Wentao, Secretary of the Party Leadership Group and Minister of Commerce], *IA Sinkhua, Novosti*, URL: <https://www.news.cn/politics/20260115/2ff52f414ee470c81a35bc63b27cab7/c.html> (accessed: 20.01.2026) (in Russ.)
12. *Vladimir Putin: sila i prityagatelnost idei Russkogo mira v yego otkrytosti* [Vladimir Putin: The strength and appeal of the “Russian World” idea lie in its openness], URL: <https://ob#jasnjaem.rf/articles/news/vladimir-putin-sila-i-prityagatelnost-idei-russkogo-mira-v-ego-otkrytosti/> (accessed: 22.01.2026) (in Russ.)
13. *Lavrov: Moskva rabotayet nad konsolidatsiyey mnogonatsional'nogo Russkogo mira* [Lavrov: Moscow is working to consolidate the multinational Russian World], URL: <https://tass.ru/politika/25867393>. (accessed: 23.01.2026) (in Russ.)

Чжан И, аспирант, кафедра иностранных языков, филологический факультет, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, 435359751@qq.com

Zhang Yi, PhD Post-graduate Student, Foreign Languages Department, Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia, 435359751@qq.com

Лагуткина Маргарита Дмитриевна, кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранных языков, филологический факультет, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, lagutara@yandex.ru

Margarita D. Lagutkina, PhD in Philology, Assistant Professor, Foreign Languages Department, Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia, lagutara@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 08.07.2026. Принята к публикации 08.08.2026

The paper was submitted 08.07.2026. Accepted for publication 08.08.2026